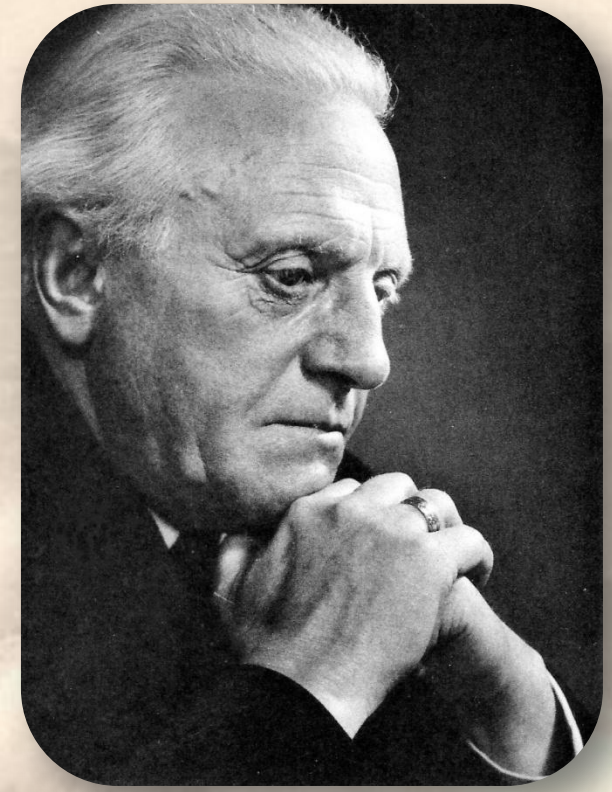


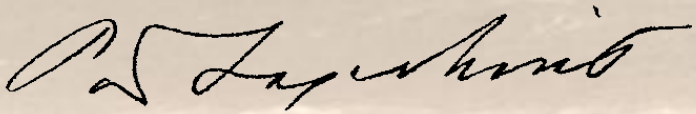
«...Боже правый,
Зачем ты создал мир, и милый и кровавый,
И дал мне ум, чтоб я его постиг!»

Н. Заболоцкий

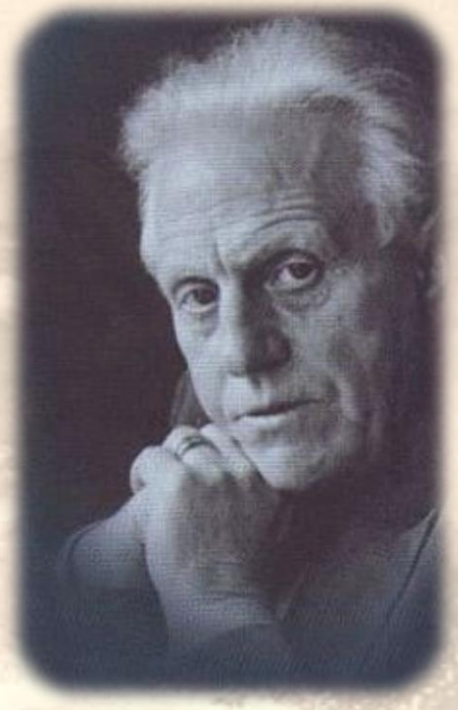
ПЕР ФАБИАН ЛАГЕРКВИСТ

(1891–1974)

«Мне часто кажется, что начало всему - радость. Что, кроме радости, способно было бы сотворить мировое пространство, все эти солнечные системы и млечные пути?! Но отчего же теперь все переменилось? Отчего все не так, как в первый день творения? Ведь небо и земля все те же, и жизнь так же богата и удивительна, даже еще богаче.
Что же лишило нас Радости?»



Как говорил Шопенгауэр, для блага человека, «даже больше - для его бытия, самым существенным является то, что в нем самом заключается или происходит». «Находясь в одинаковых обстоятельствах, люди все же живут в разных мирах». Каждый рождается в одиночестве и «перед лицом смерти все мы одиноки, все покинуты».
Произведения Пера Лагерквиста вполне могут служить иллюстрацией к идеям немецкого философа.



Пер Лагерквист — крупнейший писатель нынешней Швеции. Его лучшие произведения, переведенные на многие европейские языки, можно отнести к классике современной мировой литературы.

За свою долгую жизнь Лагерквист написал очень много. Он и поэт, он и драматург, он и прозаик — автор изящных миниатюр и больших эпических циклов.

Мучительное стремление познать смысл жизни, разрешить средствами искусства и философской мысли «вечные» вопросы человеческого бытия и человеческой души сближает его с Толстым и Достоевским, хотя в отличие от них Лагерквист еще в юности порвал с традиционной верой.

Еще в 1913 году он написал статью о Достоевском, в котором видел величайшего мастера-психолога.

Своеобразное богоборчество стало отличительной чертой его творчества. Он сводит счеты с религией и одновременно пользуется ее символами.

«Бог — ничто для меня. Более того, он мне ненавистен… он отнимает у нас то, чего мы ищем, думая, что ищем мы его».

Несмотря на непримиримость к темным сторонам жизни, на ужас перед тем, как «неполно и неподлинно» живут люди, еще одна отличительная черта творчества Лагерквиста — любовь к жизни.

Герои Лагерквиста любят жизнь вопреки будничности и страданиям. Они радуются тому, что есть в ней прекрасного, замечают и ценят красоту мира, скрытую красоту души.
Его любимые герои не остаются пассивным, но пытаются как-то помочь окружающим, не щадя при этом себя.

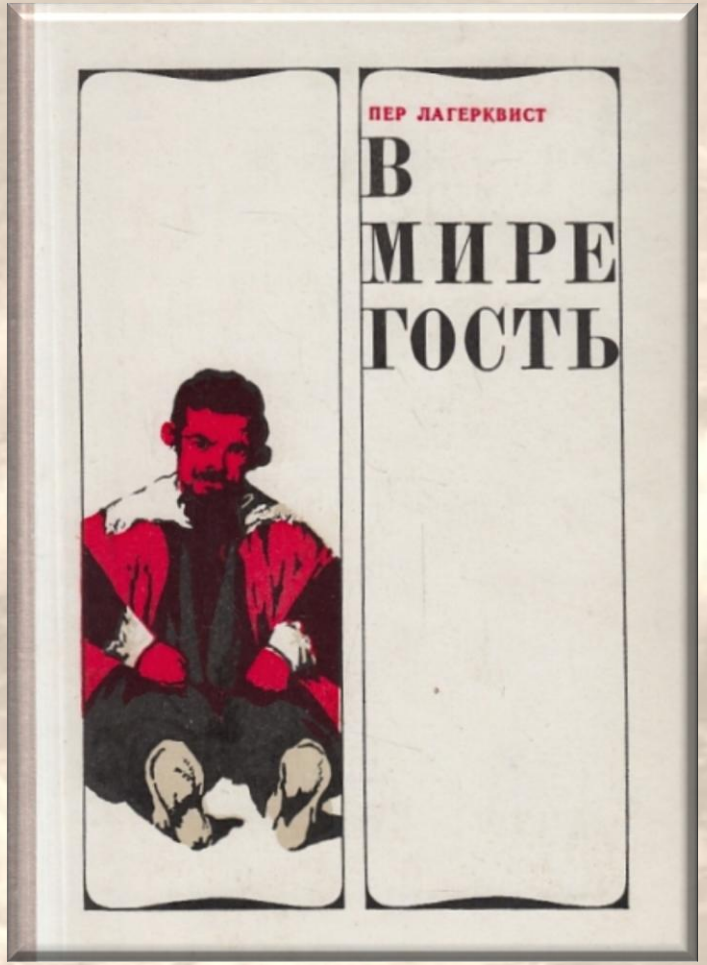
«Она, как и я, узница в нашем общем жилище, но она может смотреть на земную красу — и жить.
Дом палача она держит в чистоте и прибирает так, будто это жилье человека. На столе, за которым я ем, она расстилает скатерть. Я не знаю, кто она, но она со мною добра.
Когда на дворе темнеет, она гладит рукою мой лоб, говоря, что на нем больше нет палаческого клейма. Она не такая, как все, она может меня любить.»

«Палач»

«Полюбить его она никогда не сумеет, она знала, для этого он слишком ей противен. Но она жалела его. А жалость всегда толкала ее на жертву. Значит, надо пожертвовать собой и для него?
Она ничего не знала о любви и думала, что только приносит себя в жертву.»

«Мариамна»

В 1925 году была написана автобиографическая повесть «В мире гость».



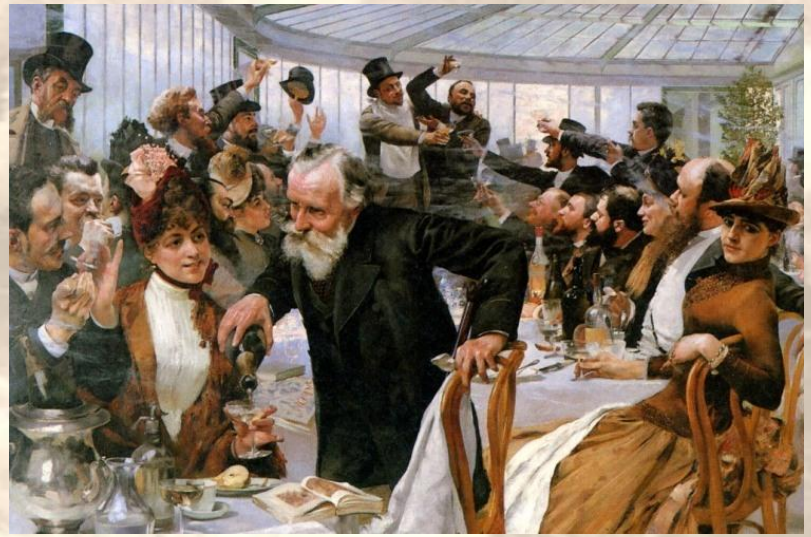
Герой повести Андерс растет в семье начальника железнодорожной станции в шведской провинции. Через восприятие подростка очень ярко и точно показана атмосфера мелкобуржуазной семьи, честной, набожной и ограниченной. Андерсу тесно в этих рамках. Традиционная религиозность родителей гнетет его. Он мечтает вырваться из своего окружения, и действительно вырывается, не только физически, но и духовно, отвергая религию и становясь адептом материалистического «нового учения, отметающего бога и все упованья на него, принимающего жизнь во всей ее неприкрашенной обнаженности, с ее планомерной бессмыслицей».

В 30-е годы Лагерквист активно выступает против фашизма, отстаивая свою позицию «воинствующего гуманизма».

В 1933 году в Германии фашизм официально пришел к власти. В том же году выходит повесть Лагерквиста **«Палач»** — отклик на «коричневую чуму». Лагерквист, как многие честные и прогрессивные художники европейских стран, с горестным недоумением констатировал, что буржуазное общество не только не ужасается и не возмущается фашизмом, но спокойно и даже радостно приемлет его, что культ силы импонирует и льстит обывателю.

Повесть построена в виде двух эпизодов. Место действия первого — средневековый кабачок. Среди выпивох сидит Палач, которого все тотчас узнают по одежде. Палач на всех наводит ужас. Во втором эпизоде действие переносится в современный ресторан. Палач сидит на том же месте, но веселящаяся публика нисколько не боится его, напротив, он — предмет ее восхищения и подобострастия.

В средние века, несмотря на темноту и суеверие, реакции людей естественны, человечны. Палач как олицетворение своего ремесла внушает страх и отвращение. Палач как человек внушает еще и жалость. По общему мнению, это ужасное ремесло не может не быть в тягость ему самому. *«Он, поди-ка, сам муку принимает от того, что творит. Известно же, палач всегда прощения просит у осужденного, прежде чем его жизни лишить»*.



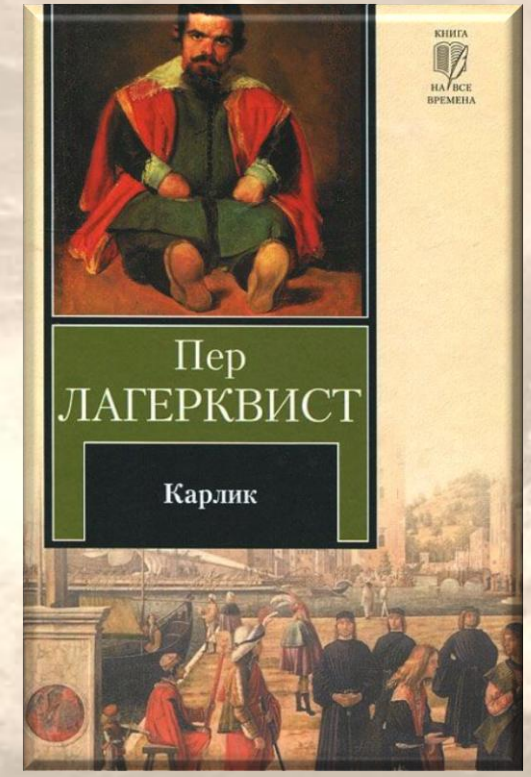
У современных людей все представления сместились, черное считается белым, белое — черным, они говорят вещи абсолютно дикие для нормального человека: *«Всякий сильный народ радуется занесенной над ним плетке и чувствует себя при этом превосходно!», «Окопы — вот единственное место, где порядочный мужчина чувствует себя хорошо. Надо бы и в мирное время жить в окопах, а не в домах, они только изнеживают людей», «Война равнозначна здоровью», «Слава убийцам! Слава убийцам!»*

Тысячелетиями хранивший невозмутимость палач вдруг заговорил, глядя во тьму из-под тяжелых век:

«От рассвета времен справляю я свою службу, и конца ей покамест не видно. Мелькают чередой тысячелетья, народы рождаются и народы исчезают в ночи, лишь я остаюсь после всех и, забрызганный кровью, оглядываюсь им вослед — я единственный не старею. Верный людям, я иду их дорогой, и не протоптано ими такой потаенной тропки, где не разжигал бы я дымного костра и не орошал землю кровью...
Пророков и спасителей я сжигал на кострах за ересь. Человеческую жизнь вверг я в пучину ночи и мрака.
Я озираю просторы: земля лежит в лихорадке, в жару, а из поднебесной выси слышатся скорбные вскрики птиц. Настал час злу выбросить семя! Настал час палача!
Солнце задыхается в тучах, отсырелый шар его зловеще тлеет пятном запекшейся крови. Вселяя страх и трепет, я иду по полям и собираю свою жатву. На челе моем выжжено клеймо преступления, я сам злодей, осужденный и проклятый на вечные времена. Ради вас.»

Кто же ты, Палач?

Повесть«Карлик» (1944) – попытка разобраться вопросе о том, какие свойства человеческой психологии помогли идеологам фашизма заставить такое большое количество людей принимать черное за белое, а белое за черное.



Герой романа, уродец по форме, а по сути – наблюдатель и летописец (повествование ведется в форме записей карлика), сильным голосом, а не голосом писклявого кастрата (герой безмерно гордится этим) развенчивает разврат высокопоставленных персонажей и их убожество. Герцогство, погрязшее в грехах, давно лишилось призора Бога и навлекло на себя войны и чуму. Карлик, плоть от плоти общества, пораженного алчностью и злобой, также злобен, но, в отличие от господ, не алчен, и оттого ему ничего не надо от жизни даже в темнице и в кандалах.

«С неизведанным мной доселе наслаждением, острым почти до потери сознания, ощущал я свою власть на земле. Это благодаря мне мир полнился ужасом и гибелью и из блистательного праздника превращался в царство смерти и страха".

«Я заметил, что порой я внушаю страх. Но пугаются-то люди, в сущности, самих же себя. Они думают, это я навожу на них страх, а на самом деле – тот карлик, что сидит в них же самих, уродливое человекообразное существо с обезьяньей мордой, это он высовывает свою голову из глубин их души. Они пугаются, потому что сами не знают, что в них сидит другое существо.»

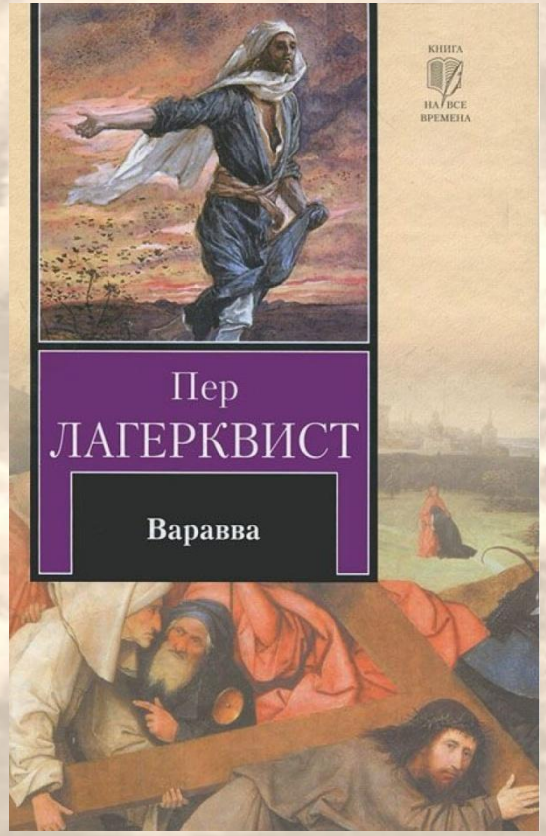
Карлик – это темная сторона души своего господина.
«Насколько я знаю своего господина, он не сможет долго обходиться без своего карлика» – должен же кто-то не только исполнять, но и предугадывать его волю.
Это темная сторона каждого из нас. И Бог дает человеку свободу выбора пути добра или зла. Свобода выбора – самый страшный дар. Человек не хочет ответственности за свои поступки, за свою жизнь. Вот тогда и приходит время карликов и палачей.

«Мы не вправе судить человека за то, что у него нету Бога.»

Война окончательно разрушила религиозное сознание в европейских странах.

В послевоенном творчестве Лагерквиста появляется новый жанр – отныне это роман (или повесть) — миф, притча, метафора.

Писатель обращается к мифологической тематике и, не покушаясь на канон, пытается показать тонкую грань между мифом и верой.

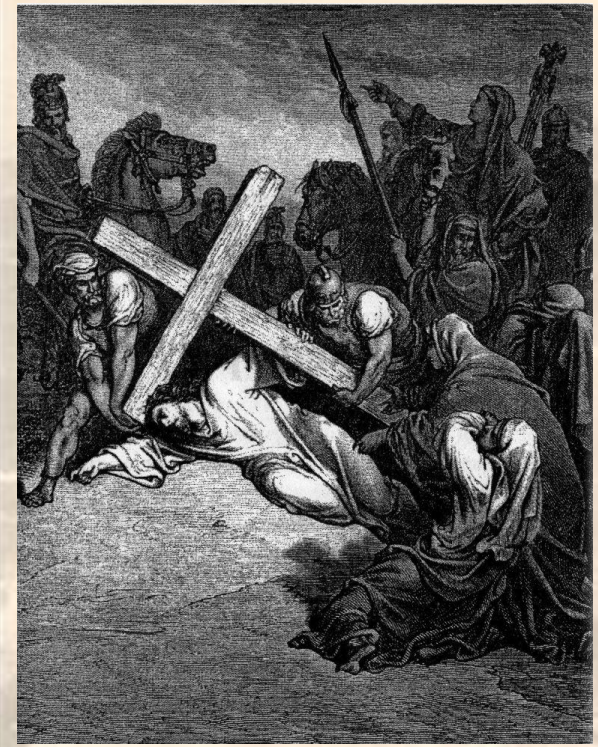


Роман «Варавва», открывающий «новозаветный цикл» Лагерквиста, послужил решающим аргументом в пользу присуждения ему нобелевской премии. Лагерквист пытается представить, что было бы с Вараввой после описанных в Евангелии событий. Образ Распятого вместо него Незнакомца не может оставить Варавву в покое, исподволь меняя его.

Он порывает с прошлым и начинает поиски непостижимой для него новой истины. Главный герой Лагерквиста воплощает неразделимость в человеческом опыте добра и зла.

Ключевой для всего творчества писателя стала трилогия «Пилигрим», состоящая из романов «Смерть Агасфера» (1960), «Пилигрим в море» (1962) и «Святая земля» (1964). Центральной темой этих произведений является человек, его поиски смысла жизни, отчаяние и тоска по недостижимому. Лагерквист проповедует «любовь без Бога» - любовь простую и вполне земную - к природе, к людям, друг к другу. Лишь такая любовь, по утверждению писателя, может помочь людям в их борьбе с темными силами зла и смерти.

Эта трилогия – три части духовных поисков Товия, пилигрима, который ищет себя и ищет Святую землю, перерождается из разбойника в странника и стремится обрести веру и любовь.



Миф о вечном страннике Агасфере

Человечество постоянно находится в поисках бессмертия. Но что лучше - смерть или вечная жизнь? В легенде о вечном страннике Агасфере прослеживается грустная мысль о том, что бессмертие может оказаться очень жестоким бременем.

Предание гласит, что когда Христа вели, чтобы предать его мучительной смерти, орудие казни, тяжелый деревянный крест, он нес на себе. Путь его к месту распятия был тяжел и долог.

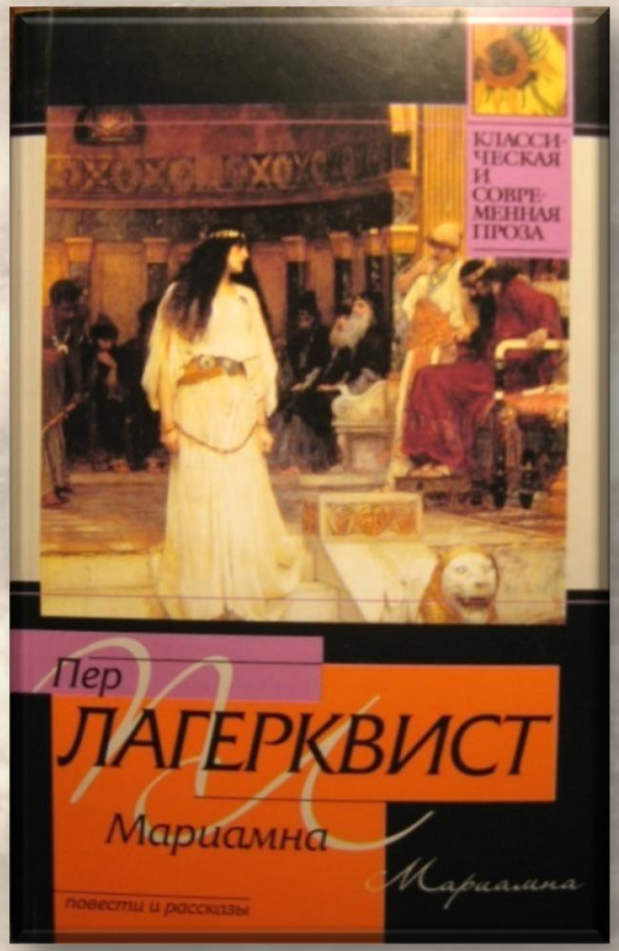
Изнемогая, Христос хотел было прислониться к стене одного из домов, чтобы передохнуть, но хозяин этого дома по имени Агасфер не разрешил ему.

- Иди, на обратном пути отдохнешь, – прикрикнул он под одобрительные возгласы фарисеев.

- Хорошо, — ответил Христос. – Но и ты тоже всю жизнь будешь идти. Ты будешь скитаться в мире вечно, и никогда не будет тебе ни покоя, ни смерти...

«Пустыней была его душа, которую жалили холодные копья звезд...»

Повесть «Мариамна» связана с личной трагедией Лагерквиста. Летом 1967 года он потерял любимую жену, с которой прожил более сорока лет. «Мариамна» стала гимном одиночества Лагерквиста.



Любовь — центральный мотив повести, под ее сенью опять противостоят добро и зло. Мариамна воплощает человеколюбие и самоотверженность, иудейский царь Ирод олицетворяет дикую жестокость, тиранию и насилие.

Он злодей, с душой пустыни, с душой опустошенной и с жестоким сердцем. Он убивает от мала до велика, не чувствуя ни вины, ни раскаяния. Он – демон зла. Он строит храм в честь бога, в которого не верит, которого не любит, которого не знает.

И он встретил Мариамну.
«Он стоял на дороге к Дамаску, за городскими воротами, и она прошла мимо. Ничего не случилось, и однако это мгновение было так непохоже на мгновение перед тем, что все разом стало другим: солнце, поле, низкая трава на поле, цветы на нем, цветы в короткой траве. И что за цветы, никогда он их прежде не видел. Траву объели овечьи стада, а цветов не тронули. Они всегда тут росли, но никогда б он их не заметил, не пройди она мимо.

Он видел ее всего мгновение, но такого мгновения еще не было в его жизни. Он даже не понял, что с ним случилось, только знал, что это что-то небывалое, странное и этого нельзя объяснить. А она ушла. Ее уже не было.»

«Пожертвовать собой до конца и разделить с ним судьбу? Его страшную судьбу. Если б от ее выбора зависела только ее жизнь, она б никогда не решилась. Но другие? Сделает ли она этим добро? Предавшись ему. Сделает ли она добро несчастным, которые доверились ей, понадеялись на нее? Тем, кого он мучит.

Сделает ли она кому-то добро, предавшись ему? Она спрашивала себя снова и снова. Укротит ли она его дух, умерит ли его жестокость? Сможет ли она? По силам ли ей его изменить?»

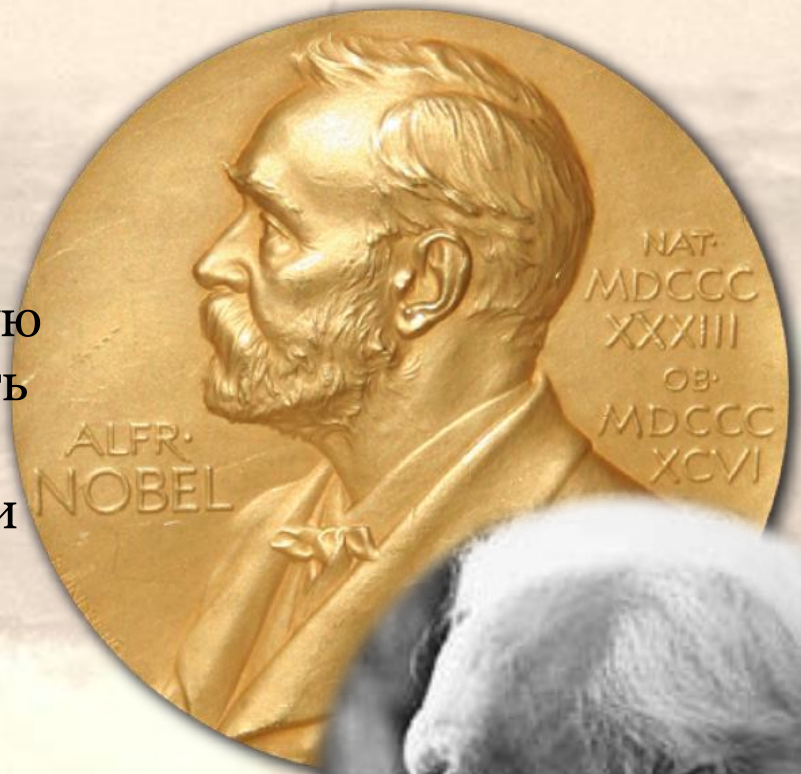
«Он был ей немил. Но она смотрела на него все же немного не так, как другие. Она не могла отрицать, что постепенно в душе ее нашлось место для тирана, ненавидимого всеми, ненавидимого по справедливости. Ей делалось его жаль. Что крылось за этой жалостью, сказать было трудно, она не могла, да и не хотела в себе разбираться. Она жалела всех, вот и его пожалела. А что, если это не только жалость?

Она ничего не знала о любви и думала, что только приносит себя в жертву.»

«До чего же пуста должна быть жизнь, когда и сама любовь не дает веселья сердцу.»

Но любовь не изменит Ирода, не сделает его добрым и благородным. Его ненависть страшна, но его любовь страшна не менее. Она погубит Мариамну.
И, умирая, сам Ирод вспомнит только ее – Мариамну, единственную, любимую.

В 1951 г. Лагерквисту была присуждена Нобелевская премия по литературе «за художественную силу и абсолютную независимость суждений писателя, который пытался в своем творчестве найти ответы на вечные вопросы, стоящие перед человечеством». Лагерквист, человек стеснительный и замкнутый, от ответной речи отказался. Вместо этого после нескольких слов благодарности за награду он прочитал отрывок из книги «Миф человечества», написанной за 30 лет до того и неопубликованной.



«Небо и земля - твои. Но твое и бремя, которого никто больше не может нести, бремя судьбы, ставшее слишком тяжелым для всех и вся, посильное разве что царю природы. Жизнь возложила его на нас. Мы должны нести его и не имеем права согнуться. Падай, но не бросай. Разбивайся насмерть, но не умирай. Страдай, но побеждай страдание. Снова и снова поднимай свою ношу и неси дальше, во все времена.»